

За спиной продолжал доноситься шорох, затем раздались размеренные шаги, а потом всё стихло — видимо, ушел в купальню умыться. Вспомнив о том, что только что произошло в купальне, Ань Чанцин почувствовал, как чаще забилось сердце, а щеки вспыхнули румянцем. Трепеща ресницами, он подумал: они уже так долго в браке, и супружеская близость — дело абсолютно естественное. К тому же после долгой разлуки чувства лишь пылают ярче, ему следовало бы проявить немного смелости и инициативы...

Поэтому, когда Сяо Чжигэ вернулся и прилег с краю, поворачивавшийся к нему спиной юноша поддерживая живот перевернулся и, опустив глаза, тихо спросил:

— Тебе... нужно помочь?

Сяо Чжигэ на мгновение замер. Когда до него дошел смысл фразы, взгляд его потемнел, уголки губ чуть приподнялись, а взор упал на беспокойно дрожащие густые темные ресницы. Сдавлив голос, он низом произнес:

— ...Не нужно. Я только что умылся холодной водой. Или Но-но сам захотел?

Ань Чанцин: «!!!»

Краснота мгновенно перекинулась на самые кончики ушей. Ань Чанцин метнул на него сердитый взгляд и в гневе снова отвернулся.

Осознав, что, кажется, опять разозлил супруга, Сяо Чжигэ тут же поспешил признать вину. Подвинувшись ближе, он обнял его сзади и осторожно спросил:

— ...Значит, это я захотел?

Щеки Ань Чанцина пылали так, словно от них шел пар, и даже шея покрылась алой краской. Лишь спустя долгое время он заставил себя выбросить глупости из головы, зажмурился и сердито буркнул:

— Я буду спать!

Сяо Чжигэ тихо усмехнулся и, крепче прижав его к себе, ласково убаюкал:

— Спи.

Во время беременности Ань Чанцин уставал гораздо быстрее, поэтому не прошло и пары минут после того, как он закрыл глаза, как действительно погрузился в сон. Он давно привык делиться постелью с Сяо Чжигэ, так что, хотя изначально лежал спиной к нему, во сне вскоре тихо заворчал, перевернулся и уткнулся лицом прямо ему в грудь.

Сяо Чжигэ мягко поглаживал его по спине, тепло глядя на него. Он смотрел на знакомые черты лица, которые мог бы нарисовать по памяти, на тонкую шею... и в конце концов опустил взгляд на округлившийся живот.

Живот Ань Чанцина стал уже совсем большим, и теперь юноша мог спать только на боку, даже во сне бессознательно прикрывая его левой рукой.

Сяо Чжигэ долго разглядывал его, а затем бережно приложил ладонь.

Он никогда не думал, что настанет день, когда у него появится плоть и кровь от собственного рода. Насмотревшись на распутство императора Аньцина и коварные козни в заднем дворце,

он, по правде говоря, вовсе не ждал появления детей. Он прекрасно знал свой характер и понимал, что из него едва ли выйдет хороший отец.

Но сейчас ребенка под сердцем носил Ань Чанцин — человек, которому он поклялся сопровождать всю жизнь. Переведя взгляд на его безмятежное спящее лицо, Сяо Чжигэ смягчился и мягко погладил высокий живот. Если это их с Но-но дитя, он готов научиться быть хорошим отцом и сделать всё возможное, чтобы защитить и папу, и ребенка.

— Вы тоже должны беречь папу и не заставлять его слишком сильно страдать, — тихо прошептал Сяо Чжигэ.

Из-под ладони донеслось легкое шевеление, будто бы в ответ. Сяо Чжигэ ласково улыбнулся и, обнимая трех самых важных людей в своей жизни, погрузился в глубокий сон.

По расчетам лекаря Ху, предполагаемый день родов приходился на пятнадцатое число двенадцатого месяца — до него оставалось всего четыре дня.

Сяо Чжигэ первым делом призвал Ху Шифэя и Юй Сяо, расспросил обо всех деталях предстоящих родов, сам лично проверил убранство родильной комнаты и, убедившись, что всё предусмотрено до мелочей, стал не отходить от Ань Чанцина ни на шаг.

Раньше, когда князя не было в поместье, Ань Чанцин непрестанно скучал по нему. Но стоит тому вернуться, как Ань Чанцин начинал досадовать на его чрезмерную опеку: одевать его взялся Бэйчжань-ван, кормить с ложечки — тоже Бэйчжань-ван. А уж если пройти пару лишних шагов, так и вовсе беда — чуть что, тот сразу подхватывал его на руки.

Бэйчжань-ван, всю жизнь проведший на полях сражений, ничего толком делать не умел, зато обладал невиданной силой. Ань Чанцин находился на восьмом месяце беременности и носил внушительных размеров живот, однако князь свободно и уверенно носил его на руках, даже не дрогнув.

Поначалу Ань Чанцин покорно терпел, но в конце концов не выдержал и выставил мужа за дверь. Сам же, осторожно поддерживая живот, стал ходить по комнате:

— Я могу идти сам, не стоит беспокоить Ваше Высочество.

Сяо Чжигэ не смел войти обратно и лишь стоял у порога, заглядывая в щель. Из-за двери доносился его виноватый голос:

— Осторожнее, не ударься о стол.

Ань Чанцин сделал вид, что не слышит, прошелся вокруг стола еще несколько раз и только потом присел выпить чаю.

К обеду Ань Фу принес с кухни блюда и расставил их на столе, и лишь тогда Бэйчжань-вану позволили войти. Они сели друг напротив друга. Ань Чанцин ел маленькими кусочками, а князь только жадно смотрел, сам не притрагиваясь к еде. Не боясь он, что Ань Чанцин снова прогонит его, он бы наверняка опять взялся ухаживать за ним и кормить с рук.

Время пролетело быстро, и наступило пятнадцатое декабря. Дату родов лекарь Ху вычислил заранее по записям из древних медицинских трактатов. И Ань Чанцин, и оба плода в его чреве

были совершенно здоровы, да и сам Ань Чанцин давно подготовился и сохранял абсолютное спокойствие. Зато Сяо Чжигэ прошлую ночь не сомкнул глаз, а с самого утра взволнованно мерил комнату шагами.

В этот день Ань Чанцин больше не стал его упрекать, а вместо этого решил дать ему поручение:

— Скоро Юй Сяо должен принести обезболивающий отвар. Лекарство очень горькое, я бы хотел съесть кедровых конфет.

Те кедровые конфеты, что Сяо Чжигэ купил ему раньше, закончились за три месяца их разлуки.

Сяо Чжигэ, сгорая от беспокойства, тут же порывался отправить кого-нибудь на рынок, но Ань Чанцин остановил его. Юноша ласково посмотрел на него с редким упрямством:

— Я хочу только те, что купишь ты сам.

Сяо Чжигэ ничего не оставалось, кроме как оседлать Тасюэ и во весь опор выскочить из поместья.

Вскоре после его отъезда Юй Сяо принес горячее отварное снадобье. Ань Чанцин поднял пиалу и выпил всё одним глотком — вкус и впрямь оказался чрезвычайно горьким. Вот только лекарь Ху строго предупредил: после приема обезболивающего снадобья полчаса нельзя ничего есть.

Юй Сяо произнес:

— Родильня готова.

— Тогда пошли, — Ань Чанцин поднялся на ноги. Похоже, сегодня попечья кедровыми конфетами ему не удастся.

Когда Сяо Чжигэ с пакетом кедровых конфет в руках впопыхах вернулся в поместье, Ань Чанцин уже лежал в родильной комнате. На нем были тонкие нижние одежды, он покоился на мягкой кушетке. По четырем углам помещения стояли жаровни, так что комната прогрелась докрасна и холода совсем не ощущалось.

Ху Шифэй и Юй Сяо повторно проверяли инструменты и снадобья, необходимые для родов. Убедившись, что всё готово, лекарь Ху вткнул несколько игл ему в ноги и спросил:

— Больно?

Ань Чанцин покачал головой.

Лекарь Ху произнес:

— Начнем.

Сяо Чжигэ сжимал в кулаке бумажный сверток с кедровыми конфетами, стоя перед дверью родильницы. Госпожа Юй и Ань Сяньюй вместе преградили ему путь, не пуская внутрь.

После долгого противостояния он наконец отступил на шаг, больше не настаивая.

Обе женщины вздохнули с облегчением. Госпожа Юй утешила его:

— Я спрашивала у лекаря Ху, он сказал, что Но-но крепкого здоровья и всё пройдет благополучно. Князю не стоит так переживать.

Сяо Чжигэ невпопад кивнул, крепко сжимая в пальцах масляную бумагу, но взгляд его будто прикипел к дверям родильни. Окна и двери были плотно закрыты, а внутри горело множество подсвечников, ярко освещавших помещение, так что снаружи смутно проглядывали тени людей.

Сяо Чжигэ смотрел на них словно в тумане, и с каждым движением теней за дверью его сердце сжималось от боли.

Все трое прождали с самого полудня до тех пор, пока солнце не склонилось к западу. Лишь тогда изнутри донесся младенческий плач. Вслед за первым зазвучал второй, еще более громкий и звонкий. Оба голоса переплетались и звенели в тишине.

Госпожа Юй обрадовалась:

— Родил?!

Сяо Чжигэ резко поднялся и, спотыкаясь, сделал несколько шагов вперед, чуть не прижавшись к самой двери. Его взгляд жаждал прожечь дерево насквозь, чтобы увидеть, что происходит внутри.

Однако дверь долго не открывалась. Лишь полчаса спустя Юй Сяо приоткрыл створку и произнес:

— Поздравляю, князь! Отец и дети в порядке, родилась двойня — мальчик и девочка! Учитель передал, что если хотите войти, сначала смените одежду на чистую и сгоните с себя весь уличной холод.

Госпожа Юй и Ань Сяньюй ликовали. Лишь Сяо Чжигэ всё еще стоял совершенно оглушенный:

— Но-но в порядке?

— Да, ванфэй нельзя студить, — Юй Сяо бросил, что всё хорошо, и быстренько захлопнул дверь.

— В порядке — и слава богу, в порядке — и слава богу... — Сяо Чжигэ с отрешенным видом побрел к главным покоям, в полусне сменил одежду и лишь затем вернулся к родильне.

Юй Сяо впустил его. Сяо Чжигэ отогрелся у жаровни и только потом отодвинул защитную занавесь и шагнул вглубь.

Чем ближе он подходил, тем сильнее казалось, будто он ступает по мягкой вате.

И лишь когда перед ним предстало лицо Ань Чанцина, почва под ногами обрела твердость. Глаза князя обожгло слезами.

— Кедровые конфеты купил? — слегка улыбнулся ему Ань Чанцин.

У Сяо Чжигэ сперло дыхание в горле, он с покрасневшими глазами выдохнул:

— Купил.

С этими словами он полез за пазуху, но тут же вспомнил, что когда переодевался, оставил конфеты в комнате. Потеряв связность речи, он сбивчиво произнес:

— Купил... но забыл в той комнате. Я сейчас же схожу и принесу тебе...

<http://bllate.org/book/18381/1767870>